

В этом мире Праздник Солнца
 Миллиарды зим и лет.
 И к чему ни прикоснёшься –
 От всего исходит свет.

Тьму веков пронзает светом
 Неба солнечная твердь.
 И не надо быть поэтом,
 Чтобы горний свет узреть.

Облаков льняная млечность.
 Небо плещет синевой.
 Перемальвает вечность
 Солнца жернов огневой.

На поля, луга и ельник,
 На полынь и бересклет
 Бородатый сеет мельник
 Негасимый Божий свет.

А в лучистом горне солнца
 Для земных насущных треб
 Божьей волею печется
 Золотой небесный хлеб.

Этот мир искрист и светел.
 И блажен из века в век.
 В этом мире, что он смертен,
 Знает только человек.

Отчего ж стою печальный
 Светом солнечным сражён?
 Оттого, что – гость случайный
 Я на празднике чужом.

Окно всегда считалось ликом
 В державном русском терему.
 Проходим, странникам, каликам
 Вменялось кланяться ему.

В миру ещё во время-оно
 Не дверь, не красное крыльцо –
 Окно светилось, как икона,
 И света отчего лицо.

Да, русич по миру скитался,
 Но возвращался в отчий дом.
 А, уходя, окно старался
 Забить андревским крестом.

Что значило – в житейском море,
 Святую вознося мольбу,
 Безродное не мыкать горе,
 А русскую пытаться судьбу.

Пётр прорубил окно в Европу,
 Чтоб утвердить России стать.
 Чего так рвутся остолопы
 Лицо державы забивать?

Неужто сын, как вор безродный,
 Стыдясь перед Европой всей,
 Забьёт доскою лик иконный
 Несчастной матери своей?

БРАТКИ

Костерок у притихшей реки.
 Птахи певчие в небе порхают.
 Постреляли крутые «братки»,
 А теперь по трудам отдыхают.

Постреляли таких же «братков»
Из чужой и непрошеной стаи...
Дух хмельных голубых васильков
В чистом небе блаженно витает.

Вожденно дымят шашлыки.
Водка плещет ручьем быстротечным.
Поминают убитых «братки»,
Памятуют о Царствии вечном.

Уложили чужих и своих
Без суда и разбору, по пьяни.
Бог, прими души грешные их!
Все по жизни они христиане.

Не вини, не казни, не клейми
Воровскую блатную ораву.
А как есть, всю её восприми,
Как воспринял убийцу-Варраву.

Ибо все они – эти и те –
Люди русские, кровные братья,
На соседнем с Иисусом кресте
Распахнули для мира объятия.

Не лишай их всевышней любви
И прощенья родного народа.
Ведь извечно по горло в крови
Восседает на троне свобода.

* * *

Когда ночь над московским Кремлём
Стелет ангелам Божьи полати,
Прилетает двуглавый орёл
И, нахохлясь, сидит у кровати.

Сиротливо он жмётся к плечу
И в две глотки протяжно вздыхает:
«Эх, соколик, давай прокачу!
Президент ничего не узнает.

Надоело висеть на гербе
За грехи человечьи распятым,
Вот и я прилепился к тебе,
Как старшой брат ко младшему брату.

Ты, какой-никакой, всё же – свой.
Кто ещё обо мне пожалеет?
Тяжело жить с одной головой,
А с двумя и того тяжелее...»

«Не горюй! – я орлу говорю,
Заключая по-братски в объятья. –
Ни за что я тебя не корю.
Завтра снова тебе на распятье.

На Руси, на спесивой Москве,
Испокон в головах паутина.
А одна голова или две –
Это Господу Богу едино...»

* * *

Читал мои стихи и плакал,
Печаль не в силах превозмочь.
Спать не давал своим собакам –
Стихами их травил всю ночь.

К утру его подушки взмокли.
Постель насквозь проволгла вся.
Собаки от волнения сдохли,
Печали не перенеся.

Он встал, шатаясь, словно пьяный,
Себя не помня, как в бреду.
Лопату взял, чтоб вырыть яму
И закопать собак в саду.

Хотел от горя застрелиться,
Припомнив все свои грехи.
Подумал и – решил напиться,
И больше не читать стихи.

Он пил полгода без закуски,
Устроив знатную гульбу.
Он был отважный «новый русский»,
А вот теперь лежит в гробу.

Как пошутила беспристрастно
Над ним насмешница-судьба...
Поэзия – небезопасна.
Помянем Божьего раба!

* * *

Вышел и бросил стихи на дорогу.
Видно, пришёл их черед.
Или же чёрт на ходу сломит ногу.
Или же Бог подберёт.

Бог не торопится. Чёрт догоняет.
Всё же решился настичь.
Глазки прищурил, лукаво пеняет:
«Вы обронили кирпич.

Ежели так станет, походя, каждый
Всякий разбрасывать хлам...
А уверяли доверчивых граждан,
Что строить будете храм».

Господи! Что он ко мне привязался?
Я никогда не любил
Этих досужих, премудрых мерзавцев –
Парнокопытных дебил.

Боже, избави от этого срама.
Всем, чем могу, услужу.
В стену небесного вечного храма
Скромно кирпич возложу.

Пусть он в сверкающей кладке лучистой
Грозной восстанет стеной
Против пронырливой силы нечистой
Этот кирпич именной.

* * *

Сизый месяц за млечную тучку нырнул,
И туман над рекою алеет.
Это Бог наш вселенскую стужу вдохнул
И Россию на выдохе греет.

Полыхает костром зоревым небосвод
Над унылым мирским бездорожьем.
И не сгинет Россия, покуда живёт
На спасительном выдохе Божьем.

Зря кликуши истошно хоронят её.
Пировать на костях не придётся.
Понапрасну клубится над ней вороньё –
Не затмить ему русское солнце.

И пребудет Россия во все времена,
Потому что на вечные лета
Светом Божьим вселенским омыта она
И дыханьем Господним согрета.

ЯСАК

1

– Что ещё русские, плачут?
– Воют и волосы рвут.

– Видно, они нас дурачат,
Если так дюже режут.
Что же, обратно идите.
Режьте, как подлых собак.
Глотки зубами порвите,

Но соберите ясак.
Бейте. Давите арканом.
Жгите огнём и бичом
Видно презренным шакалам
Есть ещё плакать о чём.

2

– Что ещё русские, плачут?
– Нет! Они горькую пьют.
Пляшут. Друг друга собачат.
Песни срамные поют.
Видно, устали бояться.
Нечего больше терять.
Если к рассвету проспятся,
То соберут свою рать.
Шибко они матерятся
В пьяном угарном бреду...

– Значит пора возвращаться
Нам в Золотую Орду.

* * *

Ну, что дружок, продрог? –
Садись поближе к печке.
Буран в бараний рог
Согнул ветлу у речки.

Упрямый, как баран,
Таранит стекла окон.
Осклабясь на буран,
Труба завывла волком.

Благословим судьбы
Звериные повадки.
Дым плещет из трубы.
А значит – мы в порядке.

Труба ревет, как зверь.
А за родным порогом
Буран упёрся в дверь
Своим кручёным рогом.

Налей себе вина.
И мне по дружбе малость.
Буранная страна
В наследство нам досталась.

И ледяной таран
Нам от роду не страшен.
Пускай буран-баран
Под нашим боком пляшет.

Какая – к черту! – грусть?
Вино печаль развеет.
Заснеженная Русь
Сынов в объятьях греет.

Вино разгонит кровь
И сбросит с плеч усталость.
Буранная любовь
Нам к Родине досталась.

Стоит, как святой дух,
В буранном переулке
Небесный наш пастух
В своей буранной бурке.

Среди буранной тьмы
Рыдают колокольцы,
Чтоб не забыли мы,
Что мы Господни овцы.

Чтобы смогли найти
Тропу к своим истокам.
И с млечного пути
Не сбились ненароком.

В космической пыли
Клубится русский воздух.
В шестую часть земли
Упёрся божий посох.

Россия – третий Рим.
Другого быть не может.
Крылатый Серафим
Целует посох Божий.

Взгляни, дружок, в окно:
Там небо стужу мелет
И млечное руно
России в ноги стелет.

* * *

Когда полночные снега
Укрыли пастбища и доли,
Мой сад оделся в жемчуга,
Дремучий, как туземец голый.

Плеснула стайка снегирей
Ему на ветви алой краски.
И сад, как племя дикарей,
Заколыхался в дикой пляске.

То ли колдун, то ли шаман
Шиповник лупит в лунный бубен.
А кто из нас сегодня пьян? –
Мы с ним разгадывать не будем.

И нету в том вины ничьей,
Что оба мы пьяны, как черти.
Но я его ещё дичей
И весь, как есть, в звериной шерсти.

Во мне проснулся вольный зверь,
Что спал под волчьей шкурой ночи.
А ну, посмотрим, кто теперь
На пляски дикие охочей.

Такая темень в декабре –
Мороз мурашками по коже.
Вселенная с луной в ноздре
На вепря лютого похожа.

Кого из нас хоть раз луна
Хмельным не опоила светом?
Россия – дикая страна,
Где всяк рождается поэтом.

Не говори мне о любви.
О ней премного люди знают,
Когда в метель, как соловьи
Собаки в рифму завывают.

В такую ночь, хоть волком вой,
Призрев рассудочную трезвость.
Мир укрывает с головой
Зимы разнеженная зверость.

Мне по душе хмельной дурман.
Он кровь горячую не студит.
А кто из нас, читатель, пьян? –
Давай разгадывать не будем.